

МОДАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА И ПРЕСУППОЗИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОДЕРЖАНИЕМ И СМЫСЛОМ

Е. В. Ильина

MODAL ORGANISATION OF THE TEXT AND PRESUPPOSITION STRATEGY OF ITS CONTENTS-SENSE INTERACTION

E. V. Il'ina

В статье рассматривается взаимодействие содержательного и смыслового уровней при построении модальной партитуры распределения смыслов текста согласно пресуппозитивной стратегии регулирования таких отношений.

The article focuses on the study of interaction between contents and sense levels in the modal score of sense dematerializing constructed on the basis of presuppositional type of this interplay organization.

Ключевые слова: смысл-модализация, модальное значение, модальная партитура.

Keywords: sense-modalization, modal meaning, modal core.

Термины «содержание» и «смысл» применительно к исследованиям текстов художественной литературы часто используются как взаимозаменяемые или частично перекрывающиеся друг друга. Например, И. Р. Гальперин определяет содержание как «совокупность смыслов, представляющую собой некое завершенное целое, в котором отражается представление автора об описываемых фактах, событиях в их развертывании, в их характеристиках и взаимосвязях» [2, с. 210]. Таким образом, содержание представляется родовым понятием по отношению к смыслу. При таком подходе к определению роли и статуса двух указанных конструктов смысл перестает быть тем, что управляет процессом текстопостроения, от исследователей ускользает момент обязательной динамичности смысла вкупе с возможностью трактовать смысл как то, что направляет речепорождение в большинстве ситуаций коммуникации и обеспечивает саморазвитие системы языка.

Поскольку и содержание, и смысл рассматриваются в большинстве работ как относящиеся к плану идеального в его противопоставлении плану материального, то еще одним термином, обнаруживающим соотносительную связь с первыми двумя будет языковое значение (лексическое в первую очередь, но также и грамматическое). Слова, составляющие собой текст, однако, не обеспечивают однозначной интерпретации конечного речевого продукта при его дальнейшей рецепции: разные люди, читающие один и тот же текст, будут выделять различные наборы смыслов в их вариативной компоновке, основываясь на данных, извлекаемых из одной и той же синтагматической цепи. В. З. Панфилов отмечал относительную самостоятельность смысла, его лишь частичную зависимость от значений языковых единиц, поскольку с помощью ограниченного для данного языка набора языковых средств в речи способны выражаться такие смыслы, которые оказываются независимыми от значения любой из образующих речевое произведение языковых форм [5, с. 35 – 37].

Г. П. Щедровицкий и вслед за ним Г. И. Богин рассматривали смысл как ту конфигурацию связей и

отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается субъектом, воспринимающим и осваивающим текст. Значения, или, точнее, их объединения в определенные структуры, обеспечивают сворачивание смысла, его облечение в слова, предложения, тексты при говорении с последующим распределением в процессе понимания. При этом значения и смыслы оказываются рядоположены как различные компоненты одной и той же деятельности понимания [9, с. 90 – 101].

Г. И. Богин для характеристики зависимости смысла и значения вводит понятие содержания как набора предикаций в рамках пропозициональных структур. Значение в его концепции связано со смыслом через содержание. Наиболее частотные, ставшие частью культуры носителей конкретного языка смыслы застывают в значениях, зафиксированных в словарях. Далее эти значения вместе с несущими их звуковыми образами наполняют предикационные структуры в соответствии с их типовым содержанием, при этом из получившихся структур в процессе понимания рождаются смыслы [1, с. 91 – 100]. Данная трактовка взаимозависимости понятий «содержание» и «смысл» принимается за основу в настоящей работе, поскольку в этом случае содержанию отводится более устойчивая, связанная с интерпретацией значений, семантическая функция, тогда как смысл представляется как динамический конструкт, не связанный напрямую со словом в единстве его формы и значения. Смысл при таком подходе все же можно подвергнуть научному анализу, так как его распределение при всей возможной вариативности определяется интендирующими текстовыми средствами, в которых в конкретном тексте этот смысл свернут. Содержание может, однако, определенным образом взаимодействовать со смыслом, также обуславливая определенные интерпретативные рамки.

Модальность как текстовая категория самым непосредственным образом участвует в процессе осуществления перехода от значений к содержанию и далее к смыслу, причем чрезвычайно важно указать на

возможность работы такого механизма и в обратном направлении. В настоящей статье нас интересует соотношение содержания и смысла как основных уровней идеального в тексте с модальностью, которая рассматривается как универсальное метасредство, управляющее процессом взаимодействия указанных уровней в результате включения в ход их обработки сознанием системы языка. Наиболее важным в этой связи является аспект преломления свойств модальности и средств её выражения с целью организации деятельности смыслоопредмечивания и дальнейшего смыслораспредмечивания в тексте. При этом за основу анализа литературного текста как наиболее яркого примера указанных соответствий берется не соотношение отдельных смыслов и отдельных средств, а их партитурная взаимная конфигурация, поскольку «корреляция часто возникает не между смыслом и средством, а между смыслом и партитурной организацией средств» [1, с. 103]. Таким образом, языковая модальность рассматривается как поле языкового сознания, где хранится алгоритм формирования модальных партитур речевых сообщений (текстов).

Партитуру модальных составляющих текста или модальную партитуру будут формировать два плана компонентов. С одной стороны, это модальные смыслы, т. е. смыслы-модализации, с другой стороны, объединяемые ими в блоки смыслы безмодальные, или, точнее, пассивно модальные. В процессе рефлексивного действия с текстом каждый смысл блока активизируется, модально окрашивается под влиянием смысла-объединителя. Причем такая «окраска» может и не соотноситься напрямую со смыслом-модализацией. Речь идет о вариативности в отнесении того или иного смысла при его распредмечивании к определенной типической области рефлексивной реальности субъекта как вместилища опыта. Имеется в виду опыт из трех поясов системомыследеятельности (СМД): предметных представлений, мысли-коммуникации и чистого мышления [9].

Помимо того, принимая во внимание бытующее в филологической герменевтике различие сфер применения понятий «значение» и «смысл», представляется возможным попытаться переосмыслить понятийные основания модальности в аспекте терминологического уточнения понятий «модальное значение» и «модальный смысл». Модальные значения, как и другие виды языковых значений, есть продукт существования человека в мире смыслов. Что касается понятия «модальный смысл» или «смысл-модализация», то именуются в виду смыслы-способы преобразования мира в тексте в виде задаваемых координат упорядоченного создания/воссоздания/изменения такой реальности. Указанные смыслы-способы заключают в себе возможности последующего адекватного восстановления смыслового замысла автора читателем. Смыслы-модализации включаются в кластеры модальной партитуры распредмечивания смыслов текста и обеспечивают направление луча рефлексии к определенной области опыта при вхождении новой онтологической картины в рефлексивную реальность субъекта. Такие смыслы-способы носят универсальный харак-

тер и распространяются по всем уровням категоризирующей их языковой системы в виде модальных значений.

Взаимодействие между блоками содержания и смысла внутри текста, по нашему мнению, может строиться согласно наиболее общим стратегиям реализации отношений *противоположности*, *противоречия* (с парадоксальным подтипом), *пресуппозиции* и *корреляции*. Целью настоящей статьи является описание возможностей управления процессом взаимодействия содержания и смысла при последующем понимании текста на основе только одного из заявленных типов организации модальной партитуры – пресуппозитивной стратегии регулирования отношений между содержанием и смыслом. Основанием того, что особенности взаимоотношений содержания и смысла определяются модальностью, вернее типом заложенной в текст модальной партитуры, является тот факт, что, как будет показано ниже, тот или иной вид модальной партитуры с зафиксированным способом сопоставления содержательных и смысловых связей определяет последующую категоризацию смыслов-модализаций каждого кластера в направлении определенных типовых модальных языковых значений. Последнее обеспечивает устойчивость и универсальный координирующий статус модальности как явления языка.

Для описания связей между блоками содержания и смысла, основанных на отношениях пресуппозиции, возьмем за основу философскую, а не собственно лингвистическую трактовку данного понятия. Однако в данном случае нас будет интересовать иной аспект описания роли пресуппозиции (в отличие от определения роли пресуппозиции как условия, обеспечивающего наличие у высказывания истинностного значения), а именно связь пресуппозиции с содержанием, а не со смыслом. Так, Л. А. Наумова, соглашаясь, что содержание предложений, имеющих в своей основе одни и те же пресуппозиции, не меняется при модификации прагматического типа высказывания, отмечает, что понятие пресуппозиции необходимо связано с содержанием предложения, а не со смыслом, в качестве которого выступает иллюкутивная сила каждого высказывания. Причем пресуппозиция выступает как имплицитное содержание, в противовес его эксплицитной части [4, с. 243]. Можно предположить, что такая трактовка пресуппозиции на уровне предложения выглядит достаточно обоснованной. Однако на уровне текста пресуппозиция должна выступать в несколько более расширенной функции, чем быть просто условием реализации коммуникативных намерений персонажей (и автора) на фоне развертывания цепей содержательных связей. Ранее предпринимались попытки исследования пресуппозиции с точки зрения ее участия в организации текста. При этом решающая роль отводилась контексту, поскольку понимание отдельных частей текста невозможно без рассмотрения их смысловой нагрузки в рамках целого. Функция пресуппозиции как текстовой категории заключалась в осуществлении связывания частей текста с глобальным контекстом, в котором происходит конкретизация информации, заключенной в каждом от-

дельном отрывке [6]. Таким образом, *пресуппозитивная конструкция модальной партитуры* может быть определена как предполагающая детерминированность блока выводимых смыслов связями внутри блока содержания. Содержание при этом предстает как необходимый ориентир, направляющий ход смысловых преобразований в нужное русло.

Приводимые далее примеры художественных текстов относятся к стихотворной форме. Такое предпочтение вызвано тем, что становится возможным провести анализ модальной партитуры в небольшом по объему, но целостном по своим содержательно-смысловым характеристикам произведении.

Следует подчеркнуть, что в случае изучения организации смыслового плана стихотворного текста, прежде всего, нас интересует динамический аспект взаимодействия блоков содержания и смысла. Такой подход обусловлен не только герменевтической научной парадигмой, в русле которой производится исследование, но и многолетней историей описания выразительных возможностей стихотворной формы. По мнению Ю. Н. Тынянова, основой принципа динамики формы в стихе является господство некоторого конструктивного фактора формы, подчиняющего себе остальные формальные признаки. Это явление Тынянов назвал конструктивным признаком, благодаря которому формальные признаки не просто складываются, образуя совокупность, но взаимодействуют, так как реципиент осознает подчинение, деформацию факторов второстепенных одним ведущим конструктивным фактором [7, с. 28].

Представляется возможным перенести указанный принцип наличия конструктивного фактора с уровня описания формальной структуры, которая, особенно в стихах, характеризуется тесной связью с содержанием в плане направления развития сюжета и определения семантического веса каждого слова в стиховом ряду. Более существенной, с нашей точки зрения, является потребность выявления закономерностей опредмечивания смысла в тексте, поскольку смысл выступает как конструкт, в первую очередь определяющий особенности динамического соотношения содержания и формы. При этом смысл существует лишь в момент рефлексии над текстом, в котором он не имманентно, а на момент связывается с опредмечивающим его средством. При акцентировании этого аспекта оказывается, что форма предстает не в виде набора определенным образом соединенных между собой знаков, но в виде системы особым образом связанных средств текстопостроения, направляющих деятельность распредмечивания смысла в тексте с целью достижения его понимания. На уровне не только стихотворного текста, но и прозаических текстовых построений, роль организатора взаимодействия, обеспечивающего динамизм процесса понимания согласно представляемой концепции играет модальная партитура текста и смыслы-модализации, находящиеся в её узлах. Речь идет не просто о значимой форме как о материальной оболочке некоторого содержания, неразрывно с ним связанной, но о стратуме смыслов, гиперструктуре, наличие которой в тексте управляет и содержанием и формой.

В качестве иллюстрации этого положения рассмотрим стихотворение А. А. Галича «Еще раз о черте». Данный текст также может быть примером пресуппозитивной организации модальной партитуры.

*Я считал слонов и в нечет и в чет,
И все-таки я не уснул,
И тут явился ко мне мой черт,
И уселся верхом на стул.
И сказал мой черт: «Ну, как, старина,
Ну, как же мы порешим?
Подпишем союз, и айда в стремена,
И еще чуток погрешим!
И ты можешь лгать, и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, – потом!
Но зато ты узнаешь, как сладок грех
Этой горькой порой седин.
И что счастье не в том, что один за всех,
А в том, что все – как один!
И ты поймешь, что нет над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,
Когда вместе со всеми ты скажешь – да!
И вместе со всеми – нет!
И ты будешь волков на земле плодить,
И учить их вилять хвостом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, – потом!
И что душа? – Прошлогодний снег!
А глядишь – пронесет и так!
В наш атомный век, в наш каменный век,
На совесть цена пятак!
И кому оно нужно, это «добро»,
Если всем дорога – в золу...
Так давай же, бери, старина, перо
И вот здесь распишишь, в углу».
Тут черт потрогал мизинцем бровь...
И придвинул ко мне флакон.
И я спросил его: «Это кровь?»
«Чернила», – ответил он...*

Метрическая структура стихотворения А. А. Галича «Еще раз о черте»

I. 2-1-1-2- 1-2-2- 1-1-2-1- 2-2-1-	II. 2-1-1-2- 1-1-2- 1-2-2-2- 1-1-2-	III. 2-1-1-2- 2-2-1- 1-2-2-1- 2-1-1-	IV. 2-2-2-1- 2-2-1- 2-2-2-1- 1-1-2-	V. 3-1-2-1- 2-1-1- 2-2-2-1- 1-2-1-
VI. 2-2-2-1- 2-2-1- 1-2-2-1- 2-1-1-	VII. 1-1-2-1- 2-2-1- 1-2-1-2- 1-2-1-	VIII. 2-2-1-2- 2-1-2- 2-2-2-1- 2-2-1-	IX. 1-1-2-1- 2-2-1- 3-1-1- 1-2-1-	

Относительно формы, которая имеет свой семантический вес, можно сказать, что здесь мы имеем дело с типичным для русской стихотворной традиции XX в. дольником. Чередуются четырехстопные и трехстопные стихи, которые образуют симметричные ритмико-интонационные периоды – по два в каждой строфе (в таблице строфы обозначены римскими цифрами). Количество безударных слогов между ударными не имеет системы, но, в основном, это вариации от 1 до 2 безударных слогов, и только в 5 и 9 строфах в анакрузе присутствуют 3 безударных слога.

Несомненно, не следует приписывать излишней значимости схеме чередования безударных слогов внутри стихов в каждой строфе при поиске стоящих за этим содержательных закономерностей, подкрепляющих, в свою очередь, смысловые связи внутри текста. Однако некоторые из особенностей метрической организации стихотворного текста все же могут переключаться с общей идеей формирования содержательно-смыслового единства произведения. Подтверждением необходимости включения в анализ модальной структуры, консолидирующей смысловую стратум текста, собственно языковых особенностей метрики, фоники и строфики стихотворения, может стать уже упоминавшееся представление о том, что уже сам каркас и звуковое наполнение материала заключают в себе начатки содержательно-смысловых конфигураций. В. Е. Холшевников отмечает: «... стихотворная речь семантически более насыщена, чем проза, сама стихотворная форма содержательна» [8, с. 105]. В рассматриваемом стихотворении, например, бросается в глаза использование исключительно мужских рифм, что, как известно, делает речь более отрывистой [там же]. На смысловом, а не на содержательном уровне в контексте данного текста такой прием можно квалифицировать как средство, реализующее один из основных смыслов-модализаций модальной партитуры – смысл «уверенность в собственной правоте». Находясь вне кластерной системы (об этом ниже), данный смысл дополнительно упрочивает конструируемый в тексте смысловой мир. Он же запускает последующую категоризацию узловых смыслов-модализаций и их превращение в языковые модальные значения. Активизируемыми топосами опыта при этом будут области пояса мысли-коммуникации, так как интендирующее средство актуализирует опыт обращения с поэтическими текстами.

По первому стиху идентичны строфы 1, 2, 3 (2-1-1-2), но по остальным стихам они обнаруживают

не сходства, а наоборот, антиподные отличия. Например, во втором стихе безударные слоги находятся во всех возможных комбинациях: 1-2-2, 1-1-2 и 2-2-1. Содержательно первые три строфы представляют собой целостную обрисовку ситуации в её основных дейктических характеристиках: представлены два лица-персонажа – автор и черт, «друзья» как абстрактный неактуализированный субъект присутствуют лишь как ссылка на внутренний круг привычных представлений автора-героя. Временная организация данного трехстрофного отрывка предстает как постепенное «вплывание» текущего момента, как наиболее эмоционально и содержательно насыщенного, в ход развития действия – первая строфа полностью оформлена прошедшим временем. Одновременно растягивается пространство – реципиент попадает в точку «здесь», но со ссылкой на «тогда» – этому способствуют и коннотации лексемы «старина», чем подчеркивается неформальный оттенок общения, как между старыми друзьями. Такую же функцию имеет употребление местоимения «мой» применительно к черту, что указывает на взаимность квалификации отношений между персонажами. Помимо того, само название стихотворения задает такие временные рамки. Таким образом, содержательные связи объединяют первые три строфы, создавая единство не столько на уровне содержания, сколько на уровне смысла. Содержание как в плане развития сюжета, так и в плане семантически нагруженной стиховой формы определяет пути консолидации смыслового стратума текста.

Во второй и третьей строфе акцент смещается на увеличение динамики развертывания содержательно-смысловых связей. Так, во второй строфе используются вопросительные и повелительные предложения (в данном случае речь идет об оптативности, оформленной множественным числом первого лица, что дополнительно объединяет автора и черта). Будущее время глаголов – *подпишем, погрешим* – несет в себе подчеркнутую модальную окраску желательности, квалификации этих действий как правильных с точки зрения персонажа (черта). В третьей строфе черт емко представляет все выгоды заключаемого контракта, давая оговорку относительно неизбежности, но отдаленности расплаты. При этом основным структурным элементом является составное модальное сказуемое с модальным или функторным глаголом (*можешь лгать, можешь блудить, придется...платить*). Желательность здесь сменяется разрешением.

Второй кластер модальной партитуры на формальном уровне представлен строфами с четвертой по

шестую, что дополнительно поддерживается ритмико-интонационной структурой этих строф. Так, идентичным рисунком характеризуются 1-й, 3-й стихи четвертой, 3-й стих пятой и 1-й стих шестой строф. Второй кластер также регрессивно растягивается, включая в себя и третью строфу. Это происходит за счет повторения третьего и четвертого стихов третьей строфы в конце шестого четверостишия, что на уровне содержания объединяет строфы с третьей по шестую. Дейктический акцент во втором кластере смещается с настоящего на будущее (все предложения оформлены будущим), которое, однако, представляется с точки зрения черта как незначимое, слишком отдаленное, чтобы повлиять на выбор героя. Желательность будущего из второй строфы сохраняется. Таким образом, первый и второй кластеры модальной партитуры накладываются друг на друга. Местом пересечения является третье четверостишие. Следовательно, можно предположить, что именно в третьей строфе непосредственно опредмечен узловой смысл-модализация, обеспечивающий смысловое единство первого и второго кластеров. Различными же их делает разность дейктических характеристик и формально-содержательных параметров (ритмико-интонационный рисунок вкуче с развитием сюжета). Номинация данного смысла-модализации приблизительно может быть дана как «необходимость и неизбежность греха для всех». Распредмечивание этого смысла подразумевает обращение рефлексии на пояс чистого мышления, в котором хранится опыт обработки наиболее значимых моральных понятий. Помимо непосредственной экспликации (*Но зато ты узнаешь, как сладок грех...*) опредмечивание данного смысла направляется и другими содержательными ориентирами. Значения желательности и разрешения, идущие от содержания и упомянутые выше, являются ни чем иным как модификациями наиболее общих языковых модальных значений способности и волеизъявления. Таким образом, модальные значения и смыслы-модализации взаимно переплетаются благодаря взаимодействию блоков содержания и смысловых кластеров.

Последний кластер модальной партитуры состоит из трех заключительных строф. На формальном уровне первые стихи каждой из строф обнаруживают соотношение структуры: в седьмой и девятой строфах они идентичны, а в восьмой 1-й стих представляет собой их зеркальное отражение, создается структура подобная охватной рифме. В седьмой и восьмой строфах из-за преимущественного использования восклицательных риторических вопросов, собственно восклицательных безглагольных предложений узнавание дейктических координат затруднено. Во временном отношении это, конечно, момент разговора. Реципиент уверяется в этом в конечной строфе, где в прямой речи даны последние реплики героев. Однако до этого настоящий момент представляется несколько растянутым, как и личностная компонента – имеются в виду не только поэт и черт, но весь мир (*всем дорога, наш...век*). Вместе со временем расширяется и пространство, чему способствует обильное использование предложений с так называемыми интонационными жестами: *А глядишь – проне-*

сет и так! Если всем дорога – в золу... Все это чрезвычайно динамизирует сюжет: черт использует самые веские и всеобъемлющие аргументы. Представляется, что последние доводы черта неслучайно оформлены такого типа эллиптическими предложениями. Г. А. Золотова отмечает, что подобные предложения могут рассматриваться как «самостоятельные языковые модели, поскольку такие предложения контекстуально независимы и сами по себе могут служить семантическим минимумом для создания целого текста» [3, с. 504]. Блок содержания здесь также направляет распредмечивание смысла. Автор уже и сам не уверен в своей изначальной правоте. Он не знает, отказаться ли от греховного саморазрушительного предложения черта или принять его. Непонятно, чему бы служило самоотречение в мире, где все поставлено с ног на голову. Смысл-модализация, объединяющий безмодальные смыслы этого блока в единое целое может быть обозначен как «осознание необходимости изменения собственных ценностей», что снова активизирует опыт пояса чистого мышления. Разворачиваемая сюжетная картина особенно ярко представляет данный узловой смысл в своего рода сюжетном оксюмороном, нарушающем ожидания читателя: вместо крови подписывать приходится обыкновенными чернилами. Данный содержательный ориентир поддерживается более частным контекстуальным оксюмороном: в седьмой строфе сразу после «атомного» века идет эпитет «каменный». Указанный смысл является следствием растяжения смысла-модализации двух первых кластеров, так как при категоризации оба смысла будут преобразованы в общее модальное значение необходимости, только уже не внешней, а внутренней. Все это еще более консолидирует план смыслов текста.

Набор подчиненных смыслов может различаться в конкретном рефлексивном акте в зависимости от наполнения содержания сознания осваивающего текст субъекта. Это могут быть для первых двух кластеров «борьба добра и зла в каждом человеке», «изначальная испорченность человека» (относительно первоначального греха и в рамках данного содержательного контекста), «представление о счастье как о комфорте только для себя», «безликость людской массы», «безнаказанность зла». Для последнего блока – «обесценивание добродетели», «обыденность греха», «регресс цивилизации».

Проведенный анализ организованностей модальной партитуры текста не является исчерпывающим, поскольку цель настоящей статьи – установление связи рассматриваемых отношений между блоками содержания и блоками смысла с модальной основой такого процесса. В тексте А. А. Галича наблюдается постоянное указывание направления распредмечивания смыслов путем особой организации содержательных линий (пресуппозитивная организация). Если дополнительно рассмотреть возможность категоризации упомянутых смыслов-модализаций и превращение их в модальные языковые значения, то движение такой категоризации будет идти следующим образом: Вера/знание (Разрешение → Желательность → Необходимость (внешняя и внутренняя) / Возможность).

Значения веры/знание, вычлняемые на основе категоризации надкластерного смысла-модализации «уверенность в собственной правоте», запускают процесс категоризации остальных значений. Однако сомнения, возникающие в конце у автора, реализуют соотносительную связь между необходимостью и возможностью, причем возможность уже начинает преобладать, но поздно – стихотворение уже закончилось. Может быть, поэтому в конце стоит многоточие, которое приглашает читателя к дальнейшим размышлениям на заданную тему.

Вышесказанное обуславливает следующие выводы.

1. В стихотворном тексте специфические для такого типа речевого построения текстовые средства (тип концевой рифмы, строфическая организация текста, особенности ритмико-метрического строения и т. п.) наиболее тесно связаны с опредмечиванием ядерных смыслов-модализаций в модальной партитуре распределения смыслов текста. Это указывает

на управляющий статус последней, так как задействуются наиболее значимые компоненты формы текста.

2. Все указанные средства текстопостроения способны отображать структуру и связи не только плана смыслов, но и плана содержания, поскольку эти уровни взаимодействуют в ходе построения модальной партитуры.

3. Взаимоотношения между блоками содержания и смысла поддерживаются направлением рефлексии, прежде всего, на узловое смыслов-модализации и последующей их трансформацией в языковые модальные значения.

4. Связи между содержанием и смыслом, координируемые в тексте модальной партитурой, обеспечивают содержательно-смысловое единство произведения.

Литература

1. Богин, Г. И. Типология понимания текста. Обретение способности понимать: работы разных лет / Г. И. Богин. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009.
2. Гальперин, И. Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах // Избранные труды / И. Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 2005.
3. Золотова, Г. А. Грамматика акциональности в поэтическом тексте // *Revue des études slaves* / Г. А. Золотова. – Paris, 1990. – LXII (1 – 2).
4. Наумова, Л. А. Пресуппозиция в логике и лингвистике / Л. А. Наумова // *Философия: в поисках онтологии: сб. науч. тр.* – Самара: Изд-во СаГА, 1998. – Вып. 5. – С. 236 – 255.
5. Панфилов, В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
6. Семенова, Н. Г. Пресуппозиция как способ связи между высказываниями (на материале английской художественной литературы XX века): дис. ... канд. филолог. наук / Н. Г. Семенова. – М.: 1984. – 184 с.
7. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи / Ю. Н. Тынянов. – М.: Советский писатель, 1965. – 304 с.
8. Холшевников, В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение: учебное пособие / В. Е. Холшевников – СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 1996. – 184 с.
9. Щедровицкий, Г. П. Смысл и значение / Г. П. Щедровицкий // *Проблемы семантики.* – М.: Наука, 1974.

Информация об авторе:

Ильина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Тверского государственного университета, 89266032775, lpuchkova@mail.ru.

Elena V. Ilina – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of European Languages of Linguistics Institute, Russian State University for the Humanities; doctoral student, Tver State University.